

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 80

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>ТРАНСЪЯЗЫЧНЫЕ И МУЛЬТИЯЗЫЧНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
ИДЕАЛИЗИРОВАННОГО МУЛЬТИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА
ПЕРВОЙ ГЛАВЫ РОМАНА У. ЭКО «БАУДОЛИНО»)

Николай Вячеславович Головкин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат филологических наук, доцент

ngolovko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1703-5042>

Аннотация. Введение. В настоящее время приобретает влияние и распространение научно-практическая концепция трансъязычия, которая может рассматриваться как попытка обобщить предшествующие терминологические комплексы и теоретические разработки в отношении коммуникативных практик многоязычных людей по смешиванию нескольких языков при порождении устной или письменной речи. Такие практики, прежде всего в форме трансъязычия, но также и в форме мультязычия, изучаются главным образом применительно к освоению неродных и иностранных языков в учебном процессе. Вместе с тем имеются как опыт, так и возможности по расширению этого охвата на литературно-художественные произведения. **Материалы и методы.** Материал исследования, первая глава романа У. Эко «Баудолино», обладает собственной спецификой, представляет собой текст, написанный в неконвенциональной форме от лица многоязычной личности, наделённой, согласно замыслу автора, способностью моментально осваивать любой язык. Этот текст, таким образом, приобретает характер прямой речи идеализированного мультлингва, которая может быть сопоставлена с трансъязычной и мультязычной речью реальных людей. Для нужд исследования из текста главы выделены квазисинтаксические единицы (фразы), в которых реализованы трансъязычные и мультязычные коммуникативные практики, и проведён их анализ по ряду оснований, таких как лексико-грамматический класс, лексикосемантическая категория и коммуникативная ситуация. **Анализ.** Получены данные, согласно которым доминирующей формой смешивания язы-

ков в тексте является трансъязычие, иноязычные включения преимущественно играют роль имени существительного или представляют собой фразеологический оборот, применяются в большинстве случаев в качестве названий лиц или оценочных слов, актуализируются в коммуникативных ситуациях пересказа речи носителей иного языка, описания реалий иной действительности, обращения к носителю иного языка, следования речевому или текстовому образцу. **Результаты.** Итоги анализа трансъязычных и мультязычных коммуникативных практик идеализированного мультлингва сопоставлены с результатами предшествующих исследований аналогичных практик реальных людей, определены сходства и различия между этими практиками.

Ключевые слова: трансъязычие, транслингвизм, мультязычие, коммуникативная практика, художественная литература

Для цитирования: Головкин Н. Н. Трансъязычные и мультязычные коммуникативные практики идеализированного мультлингва (на материале русского перевода первой главы романа У. Эко «Баудолино») // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 574–583. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

TRANSLANGUAGING AND MULTILANGUAGING COMMUNICATIVE PRACTICES
OF AN IDEALIZED MULTILINGUAL PERSON (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
TRANSLATION OF THE FIRST CHAPTER OF U. ECO'S NOVEL "BAUDOLINO")

Nikolai V. Golovko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ngolovko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1703-5042>

Abstract. Introduction. Currently, the scientific and practical concept of translanguaging is gaining influence. It can be considered as an attempt to generalize previous terminological sets and theoretical developments regarding the multilingual people's communicative practices of mixing several languages when generating oral or written speech. Such practices, primarily in the form of translanguaging, but also in the form of multilingualing, are studied mainly in relation to mastering

nonnative and foreign languages in the educational process. At the same time, there is both the experience and opportunities to expand this coverage to literary and artistic works. **Materials and Methods.** The research material, the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino", has its own specificity. It is a text written in an unconventional form on behalf of a multilingual who is endowed, according to the author's plan, with the ability to immediately master any language. This text thus becomes a sample of direct

© Головкин Н. В., 2024

speech of an idealized multilingual person that could correlate with translanguaging and multilingual speech of real individuals. For the needs of the research, quasisyntactic units (phrases) in which translanguaging and multilingual communicative practices are implemented were singled out from the text of the chapter, and their analysis was carried out on a number of grounds, such as a lexico-grammatical class, a lexico-semantic category and a communicative situation. **Analysis.** According to the data obtained, the dominant form of mixing languages in the text is translanguaging. Foreign language inclusions predominantly play the role of a noun or represent a phraseological unit. They are used in most cases as names of persons or evaluative words, actualized in communicative situations of retelling the speech of native speakers of another language, describing notions of a different reality, addressing a native speaker of a different language, and following a speech or text pattern. **Results.** The results of the analysis of translanguaging and multilingualizing

communicative practices of an idealized multilingual person correlate with results of previous studies of the same practices of real individuals, similarities and differences between the practices are determined.

Keywords: translanguaging, translanguaging, multilingualizing, communicative practice, fiction

For citation: Golovko NV. Translanguaging and multilingualizing communicative practices of an idealized multilingual person (on the material of the Russian translation of the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino"). *Humanities and law research*. 2024;11(3):574-583. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

Введение. В рамках, проводившихся нами ранее исследований, поддержанных грантом Президента РФ для молодых российских учёных – кандидатов наук, мы обращались к проблематике смешивания языков в процессе изучения русского языка как иностранного. В фокусе нашего внимания находились трансязычные и мультиязычные коммуникативные практики иностранных студентов российского вуза.

Трансязычие (translanguaging) – опорный термин (а также название) научно-практической концепции, сложившейся в течение первых десятилетий XXI века на основе компромиссных педагогических методов и приёмов, используемых при обучении неродным и иностранным языкам, и под влиянием актуальных философских и социально-политических течений в западном обществе. Инициативная группа теоретиков и практиков из Нью-Йоркского городского университета во главе с проф. О. Гарсией приложила существенные усилия к развитию этой концепции, распространив её в т. ч. на лингвистику и психолингвистику [25].

Трансязычие учитывает предшествовавшие ему терминологические комплексы и концепции, такие как «переключение кода» (code-switching) [22], «креолизация» и т. д., однако предлагает иной взгляд на сущность смешивания языков. «Языковедческое» трансязычие провозглашает, в частности, что у людей, владеющих несколькими языками, складывается целостный «репертуар» языковых средств, внутри которого нет границ между отдельными языковыми системами, и многоязычный человек свободно пользуется всеми единицами этого репертуара, выбирая наиболее подходящие элементы разных языков по аналогии с тем, как одноязычный человек применяет те или иные стилистически окрашенные языковые средства в зависимости от их уместности и от ситуации общения [21]. Вследствие этого порождается непрерывная речевая ткань со смешиванием языков, когда во фразу на одном языке внедряются слова и словосочетания на другом языке (*I think, это правильно*).

Как следствие, вызывает интерес и представляется актуальным изучение того, каким образом, в каких ситуациях, с какой целью многоязычные люди смешивают языки. Соответствующие проблемные вопросы – к примеру, о спектре целей применения трансязыковых практик в ходе коммуникации – представляются в настоящее время не до конца решёнными [2]. При этом, хотя трансязычие изначально формировалось как педагогический принцип и инструмент, фокус исследовательского внимания может охватывать не только сферу преподавания языков, к которой мы обращались ранее, но и иные смежные области.

В рамках предварительных вводных замечаний следует также добавить, что сторонники концепции трансязычия рассматривают процесс смешивания языков в ходе коммуникации как естественный и даже инстинктивный [19]. В этом контексте представляет интерес интуитивное восприятие трансязычия, которое может быть исследовано интроспективно или путём анализа речевых произведений.

Учитывая вышесказанное, отметим, что изучение трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик может не ограничиваться работой с людьми, изучающими языки в качестве неродных или иностранных, и может быть распространено, в частности, на анализ текстов литературно-художественных произведений, персонажами которых являются многоязычные люди, смешивающие языки в процессе общения. На наш взгляд, такой материал ценен в связи с тем, что автор произведения не только даёт персонажу речевую характеристику через употребление трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик, но и воплощает своё собственное представление о том, в каких ситуациях, с какими целями и каким образом многоязычные люди могут интуитивно прибегать к смешиванию языков в ходе коммуникации.

В этом контексте представляется логичным исследование романа У. Эко «Баудолино» [9]: центральный персонаж, согласно замыслу автора, наделён способностью незамедлительно усваивать любой язык, речь на котором ему удалось услышать [10], что даёт основания рассматривать его как идеализированного мультилингва (многоязычную личность, использующую в речи несколько языков одновременно). Кроме того, первая глава произведения обладает индивидуальной спецификой, позволяющей оценить мыслительные процессы персонажа через его собственную речь от первого лица, записанную им в юности.

На основании предшествующих тезисов мы ставим перед собой цель проанализировать трансязычные и мультиязычные коммуникативные практики, актуализированные в первой главе романа «Баудолино», по их лексико-семантическим атрибутам и по ситуации их применения, а также сопоставить полученные результаты с имеющимися результатами исследований трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик реальных людей (включая возможные предпосылки использования таких практик). На наш взгляд, достижение этой цели будет способствовать более глубокому пониманию предметной области, дальнейшему прогрессу теоретических и прикладных исследований в сфере трансязычия.

Специфика первой главы романа У. Эко «Баудолино». Роман «Баудолино» характеризуется исследователями как метаисторический. Вымышленный центральный персонаж взаимодействует с историческими личностями в эпоху IV Крестового похода [5]. При ознакомлении с текстом произведения становится очевидным, что первая глава «Баудолино пишет впервые» характеризуется рядом отличий от остального содержания романа. Читателю предлагается ознакомиться с самым первым текстом, написанным персонажем в юности с намерением составить хронику собственной жизни. Выделим ключевые черты этого текста.

1. Текст написан от первого лица, неструктурирован, имеет вид потока мыслей, развивающегося в большей степени по ассоциациям, чем путём логических рассуждений.

*но может им не надо ничего никому в канцелярии пишут себе
что попало что надо и не надо зачем искать пергамены да хотели
они ими подтере да видали они их в гробу*

*ncipit prologus de duabis civitatibus historiae AD MCCCXIII conscript
saepe multumque volbendo mecum de rerum temporalium motu ancipitq¹*

это было я не сумел убрать читать не надо

Рисунок 1. Имитация палимпсеста в первой главе романа «Баудолино» / Figure 1. Imitation of a palimpsest in the first chapter of the novel «Baudolino»

4. В ходе изложения персонаж активно прибегает к смешиванию языков, т. е. к трансязычным и мультязычным коммуникативным практикам.

Весь остальной текст романа написан конвенционально, от третьего лица и без применения специфических оформительских и речевых приёмов. Трансязычие и мультязычие, таким образом, могут быть названы одной из специфических черт, свойственных только первой главе.

Сам роман как текст и художественное произведение, по результатам проведённого нами анализа источников, в последние годы исследуется мало. Одним из исключений являются работы А. А. Цыганковой, занимающейся проблемами конструирования текстов в произведениях У. Эко [7]. Роман рассматривался также с точки зрения интертекстуальных связей [6], подвергался нарратологическому [11] и семиотическому [14] анализу. Специалисты по трансязычию или по многоязычию к его изучению, насколько нам известно, не обращались.

Необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть во избежание возможных разночтений, что текст художественного произведения в настоящей статье является материалом, а не объектом или предметом исследования. Иными словами, это исследование не относится к области литературоведения.

Материалы и методы. Как следует из предшествующего изложения, материалом исследования выступает текст первой главы «Баудолино пишет впервые» романа У. Эко «Баудолино» в переводе на русский язык Е. Костюкович и Т. Кузнецовой (2003 г.). Специфика этого текста, мотивирующая выбор материала, описана выше.

Мы сочли важным отметить в названии исследования, что анализу будет подвергаться русский перевод этой главы. Данный подход имеет свои недостатки (в

2. Текст написан неграмотно, не имеет пунктуационного оформления, не делится на предложения. В роли предложений выступают квазисинтаксические единицы – фразы, каждая из которых начинается с красной строки.

3. Автор романа при помощи книжно-оформительских приёмов имитирует палимпсест (рукопись на повторно используемом пергаменте). Для имитации исправлений некоторые слова и фразы зачёркнуты. В двух случаях особым шрифтом набраны фразы из текста, который был написан на пергаменте ранее и которые персонаж, по его собственному примечанию, «не смог соскоблить», чтобы освободить место для собственных записей.

сравнении с обращением к оригинальному тексту), однако полезен тем, что упрощает атрибуцию трансязычия и мультязычия.

Для нужд исследования мы выделяем из текста главы те фразы (квазисинтаксические единицы, см. выше), в которых содержатся иноязычные включения. В качестве иноязычных включений мы рассматриваем лексические и синтаксические единицы (слова, словосочетания, предложения), которые записаны латиницей. В данном случае мы считаем оправданным оценивать латиницу как маркер «инородности», сигнализирующий о смешивании языков. Нерусские слова, записанные кириллицей, мы не включаем в охват этого исследования. Такой подход может характеризоваться некоторой степенью неполноты, однако его преимуществом, на наш взгляд, является однозначность критерия, по которому определяется смешивание языков.

При рассмотрении трансязычия как коммуникативной практики – в т. ч. в данной статье – важную роль играет соотнесение этого термина с рядом смежных, таких как «многоязычие», «мультязычие», «транслингвизм», «полилингвизм». Опираясь на результаты предшествующей работы с источниками, которую мы проводили в рамках более ранних исследований, мы применяем следующий принцип их разделения: трансязычие – это встраивание слова или словосочетания на одном языке в предложение или в стык предложений на другом языке; мультязычие – это встраивание одного или нескольких предложений на одном языке в коммуникативный акт на другом языке; транслингвизм – это атрибут личности, характеризующий её как обладающую способностью применять трансязычие; многоязычие и полилингвизм – это также атрибуты личности, характеризующие её как владеющую несколькими языками

и способную применять их в разных коммуникативных актах. Этот принцип, как нам представляется, учитывает большинство существующих подходов к интерпретации перечисленных терминов и может рассматриваться как консенсусный. Соответственно, при анализе материала в данном исследовании различие трансязычия и мультязычия осуществляется по следующему критерию: трансязычием считается использование одного или нескольких слов в рамках одной фразы или на их стыке, в то время как мультязычием считается использование фраз на одном языке в пределах коммуникативного акта на другом языке. Иноязычные включения, которые являются цитированием (например, *говорили rausz u min got u я через пол дня говорил raus u Maingot так точно*), проявлением трансязычия или мультязычия в настоящем исследовании не считаются, что, на наш взгляд, отвечает сущности этих терминов: здесь говорящий не заменяет элементы одного языка элементами другого языка, а приводит фрагменты сказанного по принципу «как есть».

Выделенные образцы трансязычия и мультязычия анализируются и описываются далее по следующим основаниям:

- 1) лексико-грамматический класс (часть речи);
- 2) лексико-семантическая категория;
- 3) коммуникативная ситуация.

Лексико-грамматический класс определяется исходя из того, какое слово русского языка подверглось замене. Лексико-семантическая категоризация опирается на «Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой [8]. Этот подход мы обосновываем принципом «от общего к частному», т. е. тем, что иноязычные включения являются частью текста на русском языке. Коммуникативная ситуация характеризуется исходя из того, какие действия и события имеют место в соответствующем фрагменте текста.

Выбор названных трёх оснований обусловлен тем, что они, на наш взгляд, обеспечивают достаточно полное и в то же время объективное описание случаев трансязычия и мультязычия, на основании которого могут строиться последующие суждения и выводы.

Методологический аппарат исследования, таким образом, складывается из общенаучных методов анализа, синтеза и сравнения, а также частных методов лексико-грамматического, лексико-семантического и статистического анализа.

Анализ. Прежде чем обратиться к деталям исследования, считаем важным предоставить ряд расширенных вводных комментариев в формате обзора.

Трансязычие и мультязычие. Терминологическое наименование «трансязычие» современные зарубежные исследователи связывают с именем преподавателя языков К. Уильямса (см., напр., [15]). В 1994–1996 гг. этот специалист описал применяемую им педагогическую практику, в рамках которой обеспечивалась фасилитация учебного процесса: ученикам школы в Уэльсе при изучении английского языка разрешалось использовать валлийский язык для предоставления ответов на вопросы на английском языке. К. Уильямс присвоил этому приёму название «*trawsieithu*», которое впоследствии было переведено с валлийского языка К. Бейкером как «*translanguaging*». Таким образом были заложены основания для одноимённой теоретико-прикладной концепции, которая начала формироваться как педагогический метод (или, точнее, метод обучения; см. обзор

публикаций в [1]), а в дальнейшем получила развитие по ряду иных магистральных направлений.

В настоящее время, согласно имеющимся у нас сведениям, трансязычие дополнительно рассматривается в различных источниках как коммуникативная практика, языковедческая теория и общественная идеология.

Трансязычие как метод обучения – это допущение смешивания языков в учебном процессе, отказ от их целенаправленного разделения, конструктивное отношение к попыткам учащихся использовать несколько разных языков одновременно. Подразумевается также сознательная и преднамеренная эксплуатация многоязычия учащихся с целью повысить эффективность их обучения, хотя многие авторы в той или иной форме признают, что разработать какие-либо «изначально трансязычные» формы заданий и иные педагогические инструменты затруднительно. Педагогическое трансязычие применяется преимущественно в двух областях: в преподавании языков и в предметноязыковом интегрированном обучении (CLIL).

Трансязычие как коммуникативная практика – это свойственное многоязычным людям встраивание элементов одного языка (как правило, лексических единиц) в речь на другом языке для достижения разнообразных коммуникативных целей – например, для обеспечения непрерывности речи за счёт заполнения лакун, возникающих вследствие недостаточности словарного запаса. В исследованиях по этому направлению нередко актуализируется социологическая составляющая: к примеру, группа британских специалистов на протяжении ряда лет изучала трансязычие в связи со сверхразнообразием (*superdiversity*) полиэтнических городских районов, являющихся местом жительства представителей множества различных народов [23]. В подобных случаях трансязычие практикуется не только (и не столько) в учебном процессе, сколько в ходе повседневной коммуникации (приобретение товаров и т. п.).

Трансязычие как языковедческая теория – это одно из направлений, активно развиваемых специалистами Нью-Йоркского городского университета (см. выше). В рамках этого направления его сторонники предпринимают попытку обосновать тезис о том, что языков как упорядоченных кодовых систем со строгими границами не существует. В качестве альтернативы предлагается рассматривать бесконечное разнообразие индивидуальных идиолектов, свойственных каждому отдельному человеку [20]. Этот тезис, как представляется, призван служить фундаментом для упоминавшегося ранее предположения о том, что многоязычный человек обладает целостным коммуникативным репертуаром, составленным из множества известных ему языковых элементов, а не двумя и более различными языковыми системами, которые изолированы друг от друга. В связи с тем, что разработчики этого направления являются в большей степени педагогами, чем лингвистами, их аргументы в пользу вышеупомянутого тезиса не вполне убедительны.

Трансязычие как общественная идеология также является одним из направлений работы ньюйоркского коллектива. В данном случае практика трансязычия позиционируется в качестве уравнилительного механизма, который будет способствовать построению более справедливого общества за счёт повсеместного допущения практик по смешиванию языков, которые в настоящее время не одобряются официально (так, нормативные

правовые акты могут быть составлены с использованием средств только одного, государственного языка). Это направление хорошо укладывается в канву общественно-политических тенденций, характерных для современных США, и поэтому находит там определённое признание, хотя и подвергается аргументированной критике [16].

Обобщая, возможно сказать, что современные исследования по трансязычию и мультязычию как коммуникативным практикам сосредоточены преимущественно вокруг академических и педагогических контекстов, где предпринимаются попытки определить степень их полезности для учебного процесса (см., напр., [12] или [4]). Вместе с тем известны также исследования по трансязычию в художественных произведениях [3].

Предшествующие исследования трансязычных и мультязычных коммуникативных практик мультингвов. Во всей полноте предшествующие публикации по теме описаны в обзоре [2], из которого следует, что трансязычие и мультязычие в качестве коммуникативных практик исследуются сравнительно редко, однако к настоящему моменту различными авторами очерчен вполне широкий спектр ситуаций, в которых применяется смешивание языков, и возможных предпосылок к их использованию. В частности, одним из распространённых сценариев здесь является компенсация, т. е. замещение недостающих единиц одного языка известными единицами другого языка. Неполнота языкового инвентаря может быть обусловлена тем, что говорящий не знает требуемого способа выразить мысль или не может его вспомнить, хотя знал ранее. В подобных ситуациях, как представляется, трансязычие или мультязычие практикуется для обеспечения непрерывности коммуникации, достижения психологического комфорта за счёт того, что говорящий или пишущий остаётся частью коммуникативного процесса, не утрачивает связи с ним. На более высоких уровнях владения языком трансязычие и мультязычие могут приобретать более креативный характер, применяться для создания языковой игры, для самопрезентации и самоидентификации через многоязычие, повышения точности или выразительности сказанного, обогащения речи дополнительными смыслами. Трансязычие при этом более частотно, чем мультязычие.

В исследовании Дж. Дуарте 2019 г. [13] выполнен анализ трансязычных коммуникативных практик старших школьников по ряду объективных оснований, ключевым из которых является тип речевого акта. Согласно полученным результатам, в учебном процессе смешивание языков встречалось преимущественно в ситуациях декларирования, информирования или постановки вопроса. Автором выделен также ряд практических целей смешивания языков [13, с.162], таких как достижение лучшего понимания полученного задания (например,

путём перефразирования) и порождение ответов на заданные вопросы (включая, в частности, конструирование гипотез, контраргументацию и цитирование).

Следует также отметить существование социолингвистических и культурологических исследований (см., в частности, [23]), где акцентируется связь трансязычия и мультязычия с языковой картиной мира. В подобных контекстах смешивание языков рассматривается, например, как проявление стремления передать таким образом реалии иной действительности, сущность которых не выражается средствами иных языков во всей полноте, поскольку при этом теряется часть культурной ассоциативной нагрузки. Ньюйоркские исследователи, о деятельности которых мы упоминали ранее, считают, что смешивание языков применяется мультингвами в т. ч. для осмысления действительности и конструирования смыслов (см. об этом в [25]). Представляют интерес и признаки подобия между трансязычной речью и жаргонами либо сленгами, когда смешивание языков употребляется внутри замкнутых групп [23]. Это возвращает нас, в частности, к теме самоидентификации через трансязычие, которая упоминалась выше.

Отметим также ситуации, в которых говорящий или пишущий дублирует сказанное на нескольких разных языках (см., напр., [18] или [24]). Такие практики могут быть связаны со стремлением повысить вероятность корректного понимания сказанного: если какой-либо компонент смысла будет утрачен в высказывании на одном языке, он может сохраниться в высказывании на другом языке.

Необходимо, впрочем, принимать во внимание, что описанные ситуации и предпосылки применения трансязычных и мультязычных коммуникативных практик связаны преимущественно с контекстами освоения неродных и иностранных языков. Один из характерных примеров – исследование шведских учёных [17], где описывается, как школьники-мигранты применяют родной язык для конкретизации и семантизации (наполнения смыслом) абстрактных научных понятий на неродном языке. Это обусловлено тем, что концепция трансязычия как таковая изначально складывалась именно в таких исследовательских контекстах. Данное утверждение справедливо как для зарубежных, так и для отечественных научных работ [4].

Анализ материала. С учётом методологических положений, представленных в предыдущем разделе, из текста первой главы романа «Баудолино» извлечено 34 фразы (28,5 % от общего количества) с 42 иноязычными включениями. Средний объём фразы – 36 слов (от 7 до 89). Латинский язык употреблён в 22 фразах, немецкий – в 10, итальянский – в 4.

Обобщённые данные по основным критериям анализа представлены в таблице 1

Таблица 1 / Table 1
Результаты анализа трансязычных и мультязычных коммуникативных практик в тексте первой главы романа «Баудолино» / Results of analysis of translanguaging and multilingual communicative practices in the text of the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino"

№	Характеристика	Количество	Доля
1	Трансязычие	38 (42 лексемы)	90,47 %
2	Мультязычие	4	9,53 %
Лексикограмматические классы (применимо только к трансязычию)			
1	Имя существительное	18	42,85 %

2	Наречие	8	19,05 %
3	Глагол	3	7,15 %
4	Служебные слова	2	4,76 %
5	Местоимение	1	2,38 %
6	Междометие	1	2,38 %
7	Устойчивое выражение (идиома)	9	21,43 %
Лексикосемантические категории (применимо только к трансязычию)			
1	Названия лиц	12	28,57 %
2	Оценочные слова	6	14,29 %
3	Мысль, мышление, логика	4	9,53 %
4	Вера, религия	4	9,53 %
5	Названия групп лиц	2	4,76 %
6	Названия тела, организма, их частей	2	4,76 %
7	Названия животных	2	4,76 %
8	Действие, деятельность	2	4,76 %
9	Названия растений	1	2,38 %
10	Указание на лицо	1	2,38 %
11	Действие, восприятие	1	2,38 %
12	Социальное взаимодействие	1	2,38 %
13	Время, последовательность событий	1	2,38 %
14	Счёт, количество	1	2,38 %
15	Без категории	2	4,76 %
Коммуникативная ситуация			
1	Пересказ речи носителя языка	12	28,57 %
2	Описание реалий	6	14,29 %
3	Обращение к носителю языка	5	11,9 %
4	Следование речевому образцу, этикет	5	11,9 %
5	Уточнение сказанного	4	9,53 %
6	Называние табуированных понятий	3	7,15 %
7	Имитация палимпсеста автором романа	2	4,76 %
8	Выражение эмоций	2	4,76 %
9	Аллюзия	1	2,38 %
10	Изложение последовательности событий	1	2,38 %
11	Иронизирование	1	2,38 %

Далее мы дадим комментарии к полученным результатам и предпримем попытку сопоставить их с итогами имеющихся исследований по трансязычным и мультязычным коммуникативным практикам мультилингвов.

Результаты. Как видно по результатам анализа, доминирующим видом смешивания языков в первой главе романа «Баудолино» является трансязычие. Такая статистика сходна с имеющимися у нас данными, представлявшими на IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томский государственный университет, 14–16 апреля 2022 г.), согласно которым иностранные студенты российского вуза практикуют трансязычие существенно чаще, чем мультязычие.

Мультязычие отмечено в четырёх случаях. Из них два случая – это авторский приём У. Эко по имитации палимпсеста (см. об этом выше), остальные имеют место в начале текста и представляют собой, по нашему мнению, следование текстовой норме: пишущий пред-

принимает попытку придать своему тексту вид официальной хроники или жизнеописания, вследствие чего начинает со стандартизированных фраз на искажённом латинском языке (*Ratispone Anno Domini Domini mense decembri mclv kronica Baudolini cognomento de Aulario* [в Регенсбурге года Господня месяца декабря 1155 хроника Баудолино из семьи Аулариев (прим. переводчика романа)]), далее переходит на искажённый итальянский язык, далее – на «язык Фраскетты», роль которого играет русский язык. В последующем тексте персонаж констатирует, что «не может написать латынью», потому что «учился читать по латынским фолиантам», но «писать не силён»; возможно, таким образом, обоснованно утверждать, что причиной мультязычных коммуникативных практик здесь является коллизия между стремлением следовать образцу и недостаточно развитым навыком письма на требуемом языке. Такой сценарий не выделяется обособленно в известных нам исследованиях по трансязычию и мультязычию, однако представляется, на наш взгляд, вполне естественным.

При применении трансязычия, как следует из полученных результатов, иноязычные включения в большинстве случаев играют роль имени существительного и употребляются преимущественно в качестве названий лиц. При этом преобладающей коммуникативной ситуацией является пересказ речи носителя языка. На наш взгляд, эти статистические данные следует интерпретировать в совокупности и рассматривать как репрезентацию основного сценария применения трансязычия в тексте главы. Иными словами, персонаж чаще всего прибегает к трансязычию в тех случаях, когда передаёт иноязычную речь и называет при этом различных субъектов (и они *говорили Kind поищи-ка нам хорошую Frouwe*). Причины для этого могут быть различными; основными из них мы считаем следующие.

1. При помощи трансязычия персонаж может обеспечивать аутентичность речи, т. е. подчёркивать и акцентировать тот факт, что сказанное принадлежит иностранцу. В пользу этого суждения может свидетельствовать, к примеру, следующий фрагмент: *тот в ответ haha вижу люди тертые у вас тут в Маренкуме*.

2. Трансязычие может быть вынужденным, т. е. персонаж приводит в неизменном виде те иноязычные слова, которые ему неизвестны. В частности, приведённый выше пример (*и они говорили Kind поищи-ка нам хорошую Frouwe*) имеет следующее продолжение: *я спросил что это Frouwe*. Сам персонаж в аналогичных контекстах обычно пользуется словом фемина.

3. Персонаж может употреблять иноязычные слова с целью указать на то, что идёт речь о фрагменте иной действительности (понизу *milites камят ту башню с колесами / по тем milites бьют стрелы как град*). В этом контексте уместно обратить внимание на то, что второй по распространённости коммуникативной ситуацией в результатах анализа является описание реалий. В исследованиях по трансязычию известны подобные случаи. В частности, британский исследователь Дж. Симпсон наблюдал практику сохранения ключевых юридических терминов при синхронном переводе с английского языка на чешский [23], т. е. переводчик внедрял в свою речь на чешском языке английские термины, такие как *housing* или *council tax*, несмотря на то что в чешском языке для них были подходящие эквиваленты. Британские социологи объясняют это следующим образом: переводчик называет те реалии, которые свойственны исключительно Великобритании, и если бы контекст коммуникации был иным, то в назывании этих понятий не возникло бы никакой потребности. Схожая ситуация может наблюдаться и в тексте романа. В качестве иллюстрации приведём следующий пример: *вмиг обоброчат плати десятину de fructibus десятину от сена от овощей и плати арендные и плати прокатные и плати яремные*. Здесь, на наш взгляд, *de fructibus* также выступает в роли юридического термина.

Вполне существенное место в общей статистике занимают устойчивые конструкции: фразеологические обороты и идиоматические выражения. Около половины из них (4 из 9) относятся к лексико-семантической категории веры и религии (*я тогда залег под куст и два часа повторял virgine sancta помилуй мя*). На наш взгляд, подобные эпизоды следует объяснять привычностью и шаблонностью таких конструкций. Персонаж, вероятно, ощущает их шаблонный и формальный характер, на что может указывать одно из внесённых им исправлений: *воздадим же хвалу domini dominus в общем я хочу сказать слава богу*. Также во множество

идиоматических выражений входят формулы вежливости, которые при характеристике коммуникативной ситуации относятся к следованию образцу (в данном случае этикетному). Они представлены формулами благодарности (*grazie benedicite*) и формальными обращениями (*Sanktissimus Rex*). В известной нам академической практике этикетные формулы также становятся объектами трансязычных замен, в ряде случаев подвергаясь контаминации: иностранный учащийся порождает смешанную конструкцию, одна часть которой является фрагментом формулы вежливости из одного языка, а другая часть взята из формул речевого этикета на другом языке.

Также следует, по нашему мнению, обратить внимание на коммуникативные ситуации, в которых трансязычие употребляется при уточнении сказанного. Одним из характерных примеров может выступать следующий фрагмент: *барин на это говорит мне ладно значит ты видел этого носорога ты поди разумеешь Мопокерос но откуда же тебе известно что существуют носороги на свете*. В данном случае, как нам представляется, средства иного языка привлекаются с целью удостовериться в точном понимании содержания высказывания. Эта коммуникативная практика часто описывается в практикоориентированных исследованиях по трансязычию в учебном процессе и рассматривается в качестве одного из инструментов трансязыковой педагогики: учащиеся привлекают средства всех известных им языков для обогащения учебного материала и более эффективного его усвоения.

Разновидностью уточнения является дублирование: *ты малый риер был удостоен небесного Знаменья*. Данная практика также встречается в результатах исследований трансязычия в академической среде и может рассматриваться в качестве своеобразной разновидности избыточного кодирования. В учебном процессе употребление одного и того же слова на нескольких разных языках позволяет учащемуся увеличить шансы на то, что адресат успешно поймёт его высказывание.

Из числа менее распространённых, но представляющих, на наш взгляд, интерес сценариев отметим применение трансязычия в ситуациях называния табуированных понятий (*и лягнул его коленом в самые Testicula так что он ажно согнулся*). В данном случае представляется обоснованным утверждение, что иноязычные слова употребляются в качестве эвфемистических замен. Нет, однако, полной ясности в том, чьей интенцией это является. Из речевой характеристики персонажа следует, что он вполне свободно рассуждает о табуированных понятиях, хотя и прибегает к описательным иносказаниям вместо прямых упоминаний. Возможно, употребление эвфемизмов отражает коммуникативные намерения автора романа, а не персонажа.

В этом контексте следует оговориться, что занимающая второе место по распространённости лексико-семантическая категория «Оценочные слова» с явлением эвфемизации не соотносится. Иноязычные оценочные слова в тексте первой главы романа преимущественно являются частью пересказов речи носителей языка и отражают их отношение к ситуации (*просто schwach, покамест schlecht* и т. п.).

В дополнение к вышеизложенному, интерес для дискуссии представляет, на наш взгляд, следующий проблемный вопрос современных исследований по трансязычию.

В зарубежных научных публикациях о трансязычии как педагогическом и методическом подходе нередко

подчёркивается, что смешивание языков не следует рассматривать как механизм компенсации недостаточного владения каким-либо отдельно взятым языком. Приводятся отдельные эмпирические свидетельства (см., напр., [18]) в пользу того, что многоязычные люди знают нужные лексические единицы, однако намеренно, «стратегически» [25] применяют иноязычные включения. В то же время анализ коммуникативных практик учащихся, осваивающих неродной или иностранный язык, свидетельствует, как правило, в пользу того, что именно компенсация является доминирующим сценарием. Такие данные были представлены в т. ч. нами на IX (XXIII) конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (см. упоминание в начале этого раздела).

Анализ трансязычных практик в первой главе романа «Баудолино», в свою очередь, даёт основания рассматривать эти практики как свидетельство в пользу тезиса об осознанном выборе между известными персонажу единицами и средствами разных языков. В ряде случаев иноязычные включения являются результатом исправлений, внесённых пишущим в его текст. Мы упоминали ранее пример, в котором персонаж отказался *от воздадим же хвалу domini dominus в пользу слава богу*. Ещё одним примером служит, на наш взгляд, одна из фраз в начале главы, где итальянское словосочетание *a yo face* зачёркнуто и вместо него вписано синонимичное латинское словосочетание *habeo facto*, хотя фраза в целом написана по-итальянски.

По нашему мнению, в данном случае следует связывать эти эмпирические расхождения с тем, что компенсирующее трансязычие наблюдается при освоении неродного или иностранного языка, в то время как осознанное «стратегическое» трансязычие – при порождении речи на том языке, который вполне знаком пишущему. Это может служить аргументом в пользу тезиса о том, что характер и цели трансязычных замен зависят в т. ч. от уровня владения языком: на более низких уровнях реализуется компенсирующее трансязычие, в то время как на более высоких уровнях смешивание языков приобретает творческий и целенаправленный характер.

Добавим также, что в отдельных случаях одно и то же иноязычное включение в различных фразах записано как латиницей, так и кириллицей: *и они говорили Kind поищи ка нам хорошую Frouwe, но слыша это господин говорит Kind ты мне послан небом*. На этом основании, как нам представляется, возможно утверждать, что отдельные трансязычные и мультязычные практики в русском переводе первой главы романа «Баудолино» не являются авторским нарративным приёмом или речевой характеристикой персонажа, а принадлежат переводчику произведения. В известных нам научных публикациях о смешивании языков такой сценарий не рассматривается целенаправленно, однако факты участия переводчика в трансязычных и мультязычных коммуникативных практиках эпизодически отмечаются (см., напр., [17]).

Проведённый анализ трансязычных и мультязычных коммуникативных практик в русском переводе первой главы романа У. Эко «Баудолино» позволяет прийти к следующим выводам.

1. В результате анализа определено, что в 34 фразах из 119 (28,5 %) в тексте главы реализованы трансязычные и мультязычные коммуникативные практики. Большинство (90,47 %) случаев смешивания языков представляет собой трансязычие, т. е. внедрение одного или нескольких слов на одном языке во фразу

на другом языке. Определено также, что иноязычные лексемы при трансязычных заменах преимущественно играют роль имени существительного (42,85 % случаев) или наречия (19,05 %) либо являются устойчивыми выражениями (21,43 %). В результате лексико-семантической категоризации установлено, что 28,57 % иноязычных включений представляют собой названия лиц, 14,29 % – оценочные слова. Определено, что трансязычные и мультязычные коммуникативные практики реализовываются, как правило, при пересказе речи носителей другого языка (28,57 % случаев), описании реалий иной действительности (14,29 %), обращении к носителю иного языка (11,9 %), следовании речевому образцу, в т. ч. этикетному (11,9 %).

2. Проведённый анализ указывает на то, что текст первой главы романа «Баудолино» характеризуется сочетанием разноуровневых и разнонаправленных трансязычных и мультязычных коммуникативных практик. Автор произведения применяет смешивание языков не только с целью дать речевую характеристику персонажа, но и для повышения иммерсивности, создания эффекта присутствия, когда посредством иноязычных и инотекстовых включений создаётся впечатление чтения средневековой рукописи-палимпсеста. Отмечаются также косвенные свидетельства того, что часть трансязычных и мультязычных практик в тексте главы может принадлежать переводчику. Полученные результаты дают основания выделить в дискурсивной деятельности центрального персонажа произведения ряд коммуникативных целей и причин смешивания языков: обеспечение аутентичности пересказываемой речи носителей иного языка, цитирование неизвестных слов, указание на фрагменты иной картины мира, употребление стандартизированных конструкций в неизменном виде, уточнение сказанного, эвфемизация, выбор наиболее подходящего способа выразить мысль.

3. Сопоставление полученных результатов и сделанных выводов с результатами и выводами имеющихся российских и зарубежных исследований трансязычных и мультязычных коммуникативных практик многоязычных людей указывает на то, что характер и специфика смешивания языков в рассматриваемом художественном произведении обладают рядом сходств и отличий в сравнении с аналогичными практиками в академической и повседневной дискурсивной деятельности билингов и мультингвов. К числу сходств могут быть отнесены: преобладание трансязычия над мультязычием, реализация трансязычных коммуникативных практик при передаче реалий иной действительности, следовании речевому или текстовому образцу, уточнении сказанного (в т. ч. в форме дублирования одного и того же содержания на нескольких языках), преднамеренное использование трансязычия для более эффективной реализации коммуникативных интенций на высоком уровне владения языком. К числу отличий могут быть отнесены: применение мультязычия в качестве художественного и книжнооформительского приёма, мультязычность речи вследствие коллизии между стремлением следовать текстовому образцу и недостаточной развитостью навыка письма на требуемом для этого языке, использование трансязычных замен для акцентирования «иностранности» чужой речи или иносказательного назовавания табуированных понятий (эвфемизация).

Полученные результаты и сделанные выводы обогащают имеющиеся представления о целях и причинах смешивания языков многоязычными людьми в ходе

коммуникации. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с расширением как спектра анализируемых художественных произведений, так и перечня

рассматриваемых коммуникативных ситуаций и сфер деятельности человека, в которых могут реализовываться практики смешивания языков.

Литература

1. Головкин Н. В. Трансязычие как метод обучения в зарубежной лингводидактике // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4(48). С. 137–154.
2. Головкин Н. В., Шейко Д. В. Обзор актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 60–90.
3. Джусупов Н. М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 519–530.
4. Куриленко В. Б., Бирюкова Ю. Н., Цотова Д. Транслингвальный подход в обучении иностранным языкам: сущность, специфика, лингводидактический потенциал // Технологии, образование, наука: стратегия прорыва: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции 6 марта 2020 г. Белгород, 2020. С. 28–33.
5. Муштанова О. Ю. «Баудолино» Умберто Эко как метaihсторический роман // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. Ч. 1. С. 152–156.
6. Суханова И. А. Уроки интертекста от Умберто Эко. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 74–81.
7. Цыганкова А. А. Конструирование языков в текстах Умберто Эко (на материале романа «Баудолино») // Казанская наука. 2023. № 8. С. 95–97.
8. Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Т. 1–4. М.: Азбуковник, 2003.
9. Эко У. Баудолино (пер. Е. Костюкович). М.: ООО «Издательство Астрель», 2012. 624 с.
10. Bradatan C. Always Narrating: The Making and Unmaking of Umberto Eco // Los Angeles Review of Books. 2020. № 3. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/always-narrating-the-making-and-unmaking-of-umberto-eco/> (accessed: 21.04.2024).
11. Burrell A. Narratives of the Fake: The Collected Object, Personal Histories and Constructed Memory. In: Tropes for the Past. Leiden: Brill, 2006. P. 99–107.
12. Caruso E. Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process // *Language Learning in Higher Education*. 2018. Vol. 8 (1). P. 65–90.
13. Duarte J. Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. No. 22:2. P. 150–164.
14. Evdoudou E. Multiscale textual semiotic analysis // *Semiotica*. 2008. No. 171. P. 251–264.
15. Fine C. G. Translanguaging with multilingual students: Learning from classroom moments, edited by O. Garcia, and T. Kleyn // *Bilingual Research Journal*. 2018. No. 41:3. P. 349–352.
16. Jaspers J. The transformative limits of translanguaging // *Language & Communication*. 2018. Vol. 58. P. 1–10.
17. Karlsson A., Larsson P. N., Jakobsson A. Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms // *International Journal of Science Education*. 2019. No. 41:15. P. 2049–2069.
18. Kiramba L. K. Translanguaging in the writing of emergent multilinguals // *International Multilingual Research Journal*. 2017. №. 11:2. P. 115–130.
19. Li W. Translanguaging as a practical theory of language // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39, Issue 1. P. 9–30.
20. Otheguy R., García O., Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: a perspective from linguistics // *Applied Linguistics Review*. 2015. No. 6 (3). P. 281–307.
21. Otheguy R., García O., Reid W. A translanguaging view of the linguistic system of bilinguals // *Applied Linguistics Review*. 2019. No. 10 (4). P. 625–651.
22. Poza L. Translanguaging: definitions, implications, and further needs in burgeoning inquiry // *Berkeley Review of Education*. 2017. No. 6 (2). P. 101–128.
23. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. by Colman H. New Delhi, 2015. P. 207–223.*
24. Straszer B., Rosén J., Wedin A. Spaces for translanguaging in mother tongue tuition // *Education Inquiry*. 2022. No. 13(1). P. 37–55.
25. Vogel S., García O. Translanguaging // *The Oxford Research Encyclopedia: Education*. URL: <http://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.181> (accessed: 01.11.2023).

References

1. Golovko NV. Translanguaging as instruction method in foreign linguistic didactics. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 2022;4(48):137-154. (In Russ.)
2. Golovko NV, Sheiko DV. Review of current research on translanguaging as a communicative practice of multilinguals. *Nauchnyi dialog*. 2021;(7):60-90. (In Russ.)
3. Dzhusupov NM. Translingual and transcultural aspects of stylistic advancement in a literary text (based on the poetry of O. Suleimenov). *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2017;8(3):519-530. (In Russ.)
4. Kurilenko VB, Biryukova YuN, Tsotova D. Translingual approach to teaching foreign languages: essence, specificity, linguodidactic potential. In: Technologies, education, science: breakthrough strategy: materials of the International Scientific and Practical Conference on March 6, 2020. Belgorod, 2020. P. 28-33. (In Russ.)
5. Mushtanova OYu. "Baudolino" by Umberto Eco as a metahistorical novel. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015;(3-1):152-156. (In Russ.)
6. Suhanova IA. Intertext lessons by Umberto Eco. Part 2. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 2017;(4):74-81. (In Russ.)
7. Tsygankova AA. Construction of languages in the texts of Umberto Eco (based on the novel «Baudolino»). *Kazanskaya nauka*. 2023;(8):95-97. (In Russ.)
8. Shvedova NYu. Russian semantic dictionary. Vol. 1-4. Moscow: Azbukovnik; 2003. (In Russ.)
9. Eco U. Baudolino (transl. by E Kostyukovich). Moscow: Astrel Publishing; 2012. (In Russ.)
10. Bradatan C. Always Narrating: The Making and Unmaking of Umberto Eco. *Los Angeles Review of Books*. 2020;(3). URL: <https://lareviewofbooks.org/article/always-narrating-the-making-and-unmaking-of-umberto-eco/> (accessed: 21.04.2024).
11. Burrell A. Narratives of the Fake: The Collected Object, Personal Histories and Constructed Memory. In: Tropes for the Past. Leiden: Brill, 2006. P. 99-107.
12. Caruso E. Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process. *Language Learning in Higher Education*. 2018;8(1):65-90.

13. Duarte J. Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2019;(22:2):150-164.
14. Evdoridou E. Multiscale textual semiotic analysis. *Semiotica*. 2008;(171):251-264.
15. Fine CG. Translanguaging with multilingual students: Learning from classroom moments, edited by O. Garcia, and T. Kleyn. *Bilingual Research Journal*. 2018;(41;3):349-352.
16. Jaspers J. The transformative limits of translanguaging. *Language & Communication*. 2018;58:1-10.
17. Karlsson A, Larsson PN, Jakobsson A. Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms. *International Journal of Science Education*. 2019;(41:15):2049-2069.
18. Kiramba LK. Translanguaging in the writing of emergent multilinguals. *International Multilingual Research Journal*. 2017;(11:2):115-130.
19. Li W. Translanguaging as a practical theory of language. *Applied Linguistics*. 2017;(11:2):115-130.
20. Otheguy R, García O, Reid W. A translanguaging view of the linguistic system of bilinguals. *Applied Linguistics Review*. 2019;10(4):625-651.
21. Otheguy R, García O, Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: a perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*. 2015;6(3):281-307.
22. Poza L. Translanguaging: definitions, implications, and further needs in burgeoning inquiry. *Berkeley Review of Education*. 2017;6(2):101-128.
23. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas. In: *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference*. Ed. by Colman H. New Delhi; 2015. P. 207-223.
24. Straszer B, Rosén J, Wedin Å. Spaces for translanguaging in mother tongue tuition. *Education Inquiry*. 2022;13(1):37-55.
25. Vogel S, García O. Translanguaging. *The Oxford Research Encyclopedia: Education*. URL: <http://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.181> (accessed: 01.11.2023).